

МОРЕ ОСКОЛКОВ
ПОЛКОРОЛЯ
*ПОЛМИРА
ПОЛВОЙНЫ

HALF THE WORLD

JOE ABERCROMBIE

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПОЛМИРА

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А14

Joe Abercrombie
HALF THE WORLD

Copyright © 2015 by Joe Abercrombie Ltd.

Аберкромби, Джо.

А14 Полмира / Джо Аберкромби ; [пер. с англ. М. Осиповой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-098704-7

Держи меч в руке, отомсти за отца. Смотри, как другие сражаются со смертью. И помни: враги — цена твоего успеха. За мечтами о подвигах следует ненависть и война. Но пока ты жива, судьба — в твоих руках, и чем хуже шансы, тем больше слава.

Колочка Бату, женщина на войне: хороший боец, свидетель интриг и орудие мести. Груба, опасна, мстительна... но ранима.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Осипова М., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098704-7

Посвящается Еве

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

«Речи Высокого»

Часть I

ИЗГОИ

Достойные

Он вдруг засомневался, замешкался — всего на мгновение, но ей хватило: Колючка немедленно врезала ему по яйцам краем щита.

Парни орали — никто не хотел ее победы. Но даже за общим гвалтом она расслышала, как Бранд застонал.

Отец наставлял Колючку: «Бей без продыху, а то сразу убьют». Так она и жила, к добру или к худу, — но чаще к худу. В общем, Колючка зло — и привычно — оскалилась и свирепо набросилась на Бранда.

Долбанулась плечом в плечо, щиты с грохотом столкнулись и заскрежетали, парень пятился, взрывая песок морского берега, и кривился от боли. Ударил в ответ, она увернулась и с низкого замаха долбанула своим деревянным мечом ему по икре — прямо под край кольчуги.

Бранд, к чести своей, не упал, даже не крикнул — просто отскочил и скривился еще больше. Колючка расправила плечи: пора бы мастеру Хуннану засчитать ей выигрыш! Однако ж тот стоял и молчал, подобно статуе в Зале Богов.

Некоторые наставники считали, что учебный поединок мало отличается от настоящего и прерывать его надо только после смертельного удара — в смысле, смертельного, если б дрались заточенной сталью. Но Хуннану этого было

мало: ему нравилось, когда учеников укладывали мордой в грязь. И лупцевали побольнее, чтоб жизнь медом не казалась. Колючка, надо сказать, ничего против не имела.

Поэтому она издевательски — и тоже привычно — улыbnулась и заорала: «А ну иди сюда, трус поганый!»

Бранду, конечно, силы не занимать — вон какой бычина. И решимости тоже. Но он уже хромал, да и выдохся, а еще ему приходилось идти в гору — Колючка быстренько заняла выгодную позицию. Она следила за каждым его движением: увернулась от одного удара, от другого, а потом ускользнула от неуклюжего выпада в голову. Дурачок даже и не заметил, что раскрылся сбоку. «Лучшие ножны для клинка — спина твоего врага», — учил отец. Бок — тоже ничего, если вдуматься. Ее деревянный меч глухо, словно бревно трескалось, ударил Бранду в ребра, тот беспомощно зашатался, а Колючка расплылась в ухмылке. Как же приятно вот так взять и наподдать кому-то!

Она уперлась ногой ему в задницу и несильным пинком отправила в прибой. Парень повалился на четвереньки, волна с шипением потянула за собой деревянный меч, а потом выкинула обратно на берег в мокрую грязь и водоросли.

Она подошла поближе. Бранд, кривясь от боли, быстро вскинул взгляд. Мокрые волосы залепили лицо, на зубах кровь — хорошо она ему двинула. Наверное, ей положено было жалеть поверженного врага. Но Колючка — не жалела. Никого. И уже очень давно. Жизнь такая, что не до жалости.

И она приставила ему к шее иззубренный деревянный меч и поинтересовалась:

— Что делать будем?

— Ладно, — он слабо отмахнулся. Еще бы, Бранд еле дышал, ему и говорить было трудно. — С меня хватит.

— Ха! — торжествующе выкрикнула она ему в лицо.

— Ха! — крикнула она враз поникшим парням на площадке.

— Ха! — крикнула она даже мастеру Хуннану и торжественно вскинула меч и щит к плюющемуся дождем небу.

Ей вяло похлопали. Побурчали. Ну и все. А ведь она прекрасно помнила, как тут рукоплескали всякой фигне, а не победам. Впрочем, она, Колючка, здесь не затем, чтоб всякие аплодисменты слушать.

Она здесь затем, чтобы побеждать.

Иногда случается, что Мать Война коснется не мальчика, как обычно, а девочки. И тогда ее отправляют к мальчишкам и обучают искусству боя. Но с каждым годом число их уменьшается: девочки предпочитают обращаться к естественным для их пола занятиям. А тех, кто не желает это делать добровольно, заставляют. А тех, кого не заставишь, бьют смертным боем, и травят, и орут на них — пока не выполют эту дурную траву с корнем и в отряде не останутся лишь славные мужи, природой предназначенные к воинскому делу.

Если ванстерцы переходили границу, или приплывали островитяне, или в дом забирался вор — о, женщины Гетланда быстро хватались за мечи и сражались не на жизнь, а на смерть. И неплохо сражались, надо сказать. Истари так повелось. Но чтобы баба — и вдруг прошла испытания, принесла присягу и стала воином среди воинов в отряде? Отродясь такого не слыхали.

Нет, конечно, про это дело байки рассказывали. Песни пели. Но даже Старая Фен, прожившая на свете дольше всех жителей Торлбю — да что там Торлбю, люди говорили, дольше всех людей на свете! — никогда не видела такого за все несчетные годы своей жизни.

А вот теперь это взяло и случилось.

Сколько труда вложено. И трувили ее, и лупили, но она всех их уделала. Колючка прикрыла глаза, Мать Море поцеловала ее во взмокший лоб холодными солеными губами. Как бы отец обрадовался, будь он жив. Как бы гордился дочкой...

— Я выдержала испытание... — прошептала она.

— Пока нет.

Колючка никогда не видела, чтобы мастер Хуннан улыбался. И чтобы хмурился так, как сейчас, тоже не видела.

— Я сам решу, какие испытания тебе назначить. И сам решу, прошла ты их или нет!

И он оглядел шеренгу ее сверстников — парней шестнадцати лет от роду. Некоторые стояли, надувшись от гордости, — как же, они уже выдержали испытание!

— Раук. Шаг вперед. Будешь биться с Колючкой.

Брови парня поползли вверх. Он смерил девушку взглядом и пожал плечами:

— Ну и ладно...

И шагнул вперед, раздвинув плечами дружков. Подтянул щитовой ремень, подхватил учебный меч.

Этот дрался жестоко. И умело. Силой он, конечно, уступал Бранду. Зато и сомнений не знал. Ну и что. Колючка уже побеждала в схватке с ним и теперь...

— Раук, — повторил Хуннан и уткнул шишковатый палец в следующего: — И ты, Сордаф. И Эдвал.

Радость, предвкушение победы — все это мгновенно улетучилось. Вытекло из нее, как грязная вода из треснувшей лохани. Среди парней послышался ропот: все глядели, как на песок тренировочной площадки выбирался Сордаф — здоровенный медлительный тугодум, который, тем не менее, никогда не упускал шанса оттоптаться по поверженному противнику. Толстые пальцы застегивали ремешки кольчуги.

Эдвал — быстрый и узкоплечий парнишка с копной каштановых кудрей — мялся и не выходил. Колючка всегда считала его одним из лучших бойцов.

— Мастер Хуннан, но нас же трое...

— Хочешь в поход? — усмехнулся Хуннан. — Тогда шаг вперед. Это приказ.

Кто ж не хотел в поход? Все хотели. И Колючка тоже хотела. Очень, очень хотела. Эдвал обвел остальных хму-

рым взглядом, но никто не решился возразить мастеру. И парень скользнул между сверстниками и с явной неохотой подхватил деревянный меч.

— Это нечестно, — обычно Колючка держалась молодцом, даже в самых отчаянных переделках, но тут она заблела, как овечка, которую гонят под нож.

Хуннан насмешливо фыркнул:

— Эта площадь, милая моя, — поле боя. А на поле боя — там, знаешь ли, не до честности. Запомни это на прощанье.

Некоторые захихикали. Наверное, те, кого она успела отметить в прошлом. Бранд смотрел на то, что происходило, из-под упавших на лицо волос, ладонь все еще зажимала окровавленный рот. Другие опустили глаза. Все знали, что это нечестно. И всем было плевать.

Колючка сжала зубы и обхватила пальцами щитовой руки мешочек, висевший на шее. Крепко так обхватила. Сколько себя помнила — она всегда была одна против всех. И всегда дралась против всех. Потому что Колючка — боец. Этого у нее никто не отнимет. И она им сейчас покажет, на что способна. Они надолго запомнят этот поединок...

Раук коротко кивнул остальным, и они принялись заходить с обеих сторон, окружая ее. Но это еще не самое страшное. Если бить быстро, можно вырубить кого-то одного, а дальше... дальше надо хвататься за эту соломинку. И выстоять против остальных, если повезет.

Она смотрела противникам в глаза, пытаясь предугадать следующее движение. Эдвал еле плелся, не поспевая за остальными. Ему все это не нравилось. Сордаф внимательно следил за ней, поднимая щит. Раук беспечно, напоказ, опустил меч острием вниз.

Как же охота стереть с его лица эту улыбочку. Чтоб кровью изо рта капало, ага. И больше ничего ей не надо...

Она издала боевой клич, и улыбочка Раука поблекла. Первый ее удар он принял на щит, попятился, второй тоже, щепки летели во все стороны, она посмотрела вверх, и он поддался на уловку и поднял щит повыше, а она ударила

снизу — в последний миг, ничего он не успевал уже сделать, — и попала ему в бедро, хорошо так попала. Раук заорал от боли, скрючился, повернулся к ней затылком — ну же! Она уже занесла меч, как...

И тут краем глаза она заметила какое-то движение. А потом ей врезали так, что искры из глаз полетели. Она даже не почувствовала, как падает. Просто вдруг поняла, что песок набился куда только можно и трет, а она лежит и глупо таращится в небо.

Сама виновата: занялась одним, а двух других из виду упустила.

Над ней кружили и кричали чайки.

В ясном небе четко вырисовывались башни Торлбю.

«Упала — вставай, — учил отец. — Лежа на спине поединки не выигрывают».

Колючка с трудом, медленно перекатилась на живот, мешочек выскользнул из-под воротника и повис на шнурке, лицо зверски саднило.

Накатила волна, холодная вода обожгла колени. Сордаф наступил на что-то, послышался треск, словно бы ветка сломалась.

Она попыталась подняться на ноги, но Раук наподдал ей сапогом по ребрам, и она снова покатилась по песку, кашляя.

Снова накатила и откатилась волна, с верхней губы капала кровь, кап-кап-кап по мокрому песку.

— Может, хватит? — послышался голос Эдвала.

— Я что, приказывал остановиться? — ответил ему голос Хуннана, и Колючка сжала пальцы на рукояти меча.

Ну же! Подымайся и дерись!

Она увидела, как Раук сделал шаг — чтобы еще раз ударить. И поймала его ногу, прижала к груди, сильно дернула вверх. Он зарычал, а она его перекинула на спину. Беспо мощно размахивая руками, парень грохнулся наземь.

И она, пошатываясь, двинулась на Эдвала, скорее падая, чем атакуя; перед глазами качались и кружились Ма-

терь Море и Отче Твердь, и хмурое лицо Хуннана, и выжидающие глаза парней... Он поймал ее — скорее чтоб не дать упасть, а не чтоб завалить. Она вцепилась ему в плечо, запястье вывернулось, меч вырвался из ее руки, она рванулась вперед, нетвердо держась на ногах, не удержалась, грохнулась на колени, снова поднялась, щит хлопал о бок — ремень-то порвался... А потом она развернулась, отплевываясь и костеря все на чем свет стоит и... застыла на месте.

Сордаф тоже стоял, безвольно опустив меч, и смотрел.

Раук приподнялся на локтях — и тоже смотрел.

Бранд стоял в толпе парней с открытым ртом — и все они смотрели.

Эдвал открыл рот, но не сумел ничего сказать — только странно хлюпнул, как пернул. Учебный меч выпал у него из руки, и он поднес ее к ручейку, сбегавшему по его шее.

А из шеи у него торчала рукоять меча Колючки. Деревянный клинок сломался, когда Сордаф наступил на него, превратившись в длинную острую щепку. И эта щепка пропоролла Эдвалу горло. Кончик ее блестел красным.

— Боги, да что же это... — кто-то прошептал.

Эдвал рухнул на колени, с губ на песок потекла кровавая пена.

Потом завалился на бок, но мастер Хуннан подхватил его. Вокруг тут же сгрудились остальные парни, Бранд тоже подскочил, и все принялись орать один громче другого. Колючка едва различала слова, так стучала в ушах кровь.

И она стояла, пошатываясь, и лицо саднило, волосы расплелись, и одна прядь все хлестала и хлестала ее по глазам, потому что ветер. Не может быть, это ей приснилось... Это кошмар, просто ночной кошмар. Боги, пусть это будет только сон... Она крепко зажмурилась. Не открывать глаза, не открывать, не открывать...

Как тогда, в Зале Богов. Когда они отвели ее в храм, к телу отца, а тот лежал, белый и холодный, под высоким куполом.

Но тогда все было по-настоящему. И сейчас — тоже.

А когда она открыла глаза, все парни стояли на коленях вокруг Эдвала, и она видела только его сапоги, бессильно развалившиеся носками врозь. А по песку текло темное, и Мать Море посылала волну, и темное становилось красным, а потом розовым, а потом и вовсе смывалось и исчезало.

И в первый раз за долгое время Колючка испугалась. Сильно, по-настоящему испугалась.

Хуннан медленно встал, медленно развернулся. Он всегда хмурился, а уж на нее в особенности. Но сейчас его глаза блестели как-то по-особенному, так, как она никогда еще не видела.

— Колючка Бату. — И он уставил на нее окровавленный палец. — Я объявляю тебя убийцей.

Среди теней

— Твори добро, — сказала Бранду мать, когда умира-ла. — Пребывай в свете.

Что это значило, шестилетний Бранд не понимал. Сейчас ему стукнуло шестнадцать, но это ничего не изменило — он по-прежнему не знал, что это значит — «творить добро». И вот теперь он стоит с головой, забитой странными неподходящими мыслями, а между прочим, это самый торжественный момент в его жизни.

Потому что это высокая честь — стоять на страже у Черного престола. В глазах богов и людей он теперь — воин Гетланда. Он же этого и добивался, правда? Кровь проливал, тяжело трудился. Бранд мечтал стоять среди братьев по оружию среди священных стен Зала Богов сколько себя помнил.

Но сейчас ему почему-то казалось, что он не пребывает в свете, как хотела мать.

— Не нравится мне эта затея с набегом на островитян.

Отец Ярви снова это сказал, и разговор зашел на очередной круг. Служители всегда так делают.

— Верховный король запретил обнажать мечи. И он очень рассердится.

— Верховный король запрещает все подряд, — заметила королева Лайтлин, поглаживая большой живот — она носила младенца. — И сердится — тоже постоянно.

Сидевший рядом с ней на Черном престоле король Атиль подался вперед:

— А между тем он подбивает островитян, и ванстерцев, и прочее отребье напасть на нас...

По рядам лучших людей Гетланда, собравшихся возле королевского престола, прокатился возмущенный ропот. Еще неделю назад Бранд роптал и возмущался бы громче всех.

Но сейчас у него из головы не шел Эдвал. И как у него из шеи торчал деревянный меч, и кровавая слюна текла. И как он этот странный звук издал — то ли гоготнул, то ли хрюкнул. А потом затих. Навеки. И как стояла на мокром песке Колючка, и как волосы липли ей к заляпанному кровью лицу. Стояла и смотрела с раскрытым ртом на Хунна, который объявил ее убийцей.

— Два корабля моих захватили! — крикнула женщина и погрозила кулаком, на груди у нее болтался усаженный драгоценными камнями ключ торговца. — И они ж не только груз покрали, они людей перебили!

— А ванстерцы-то снова границу перешли! — гулко загудело из той половины зала, где стояли мужчины. — Усадьбы пожгли, добрых гетландцев в рабство поугоняли!

— А еще там видели Гром-гиль-Горма! — выкрикнул кто-то ненавистное имя, и под сводом Божьего зала тут же зазвучали проклятия. — Сам Крушитель Мечей явился!